

[Рец. на / Review of:] **J. N. ADAMS, Nigel VINCENT (eds.). *Early and Late Latin: Continuity or change?*** Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2016, xx + 470 p. ISBN 978-1107132252. DOI <https://doi.org/10.1017/CBO9781316450826>.

Дмитрий Владимирович Сичинава

Dmitri V. Sitchinava

Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия; mitrius@gmail.com

Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; mitrius@gmail.com

DOI: 10.31857/S0373658X0008305-4

Сборник «Ранняя и поздняя латынь: преемственность или изменение?» под редакцией латиниста Дж. Н. Адамса (Оксфордский университет), автора ряда новаторских книг по истории латинского языка, и романиста Н. Винсента (Манчестерский университет), члена Британской и Европейской академий, специалиста по грамматикализации и ареальной лингвистике¹, посвящен различным сюжетам, возникающим при диахронической эволюции от ранней стадии латинского языка к позднему периоду и, далее, уже к романским языкам.

Ранний период развития романских языков все еще может описываться как континуум поздне-(народно-)латинских диалектов, что применимо и к другим ситуациям развития языковых групп: например, славянские языки в XI в., допускающие описание как диалекты позднепраславянского. Некоторые тенденции, получившие развитие в романский период, в целом ряде случаев присутствовали и в латинской речи классической эпохи (в частности, они отлично засвидетельствованы у более ранних авторов, прежде всего Плавта и в меньшей степени Теренция), однако весьма ограниченно попадали в произведения Цицерона или Цезаря, сопровождаясь в эту эпоху нормативной стигмой. Об их существовании мы можем судить, помимо очевидного факта сохранения в современных языках, прежде всего, по отрицательным суждениям грамматистов или бытовой письменности: ср. анализ помпейского граффито в статье Дж. Клексона или виндоландских табличек в совместной статье Адамса и Винсента. Социолингвистической стороне латинского языка один из соредакторов сборника Дж. Н. Адамс посвятил особую книгу ([Adams 2013]; ср. также нашу рецензию [Сичинава 2015]), также построенную на последовательном диахроническом разборе разных синтаксических сюжетов. Один из центральных сюжетов и книги Адамса, и рецензируемого сборника, выросшего из материалов прошедшего в 2014 г. в Манчестерском университете рабочего совещания, — «глубинный» или «скрытый» (submerged) латинский язык», таящийся, подобно подземному ключу (ср. метафору «карстовая теория» в статье Дж. Пеццини, с. 14), в классическую эпоху и вышедший на поверхность уже в Средневековье. Адамс относится к такой схеме развития критически, и в большинстве статей сборника, как увидим, этот скепсис также налицо. В то время как для исторической фонетики и морфологии ответить на вопрос, идет ли речь в таких случаях о непрерывном сохранении древних форм или о диахронической «петле» с восстановлением старой формы, относительно просто, ситуация с синтаксисом гораздо более неоднозначна: это отмечено Адамсом и В. де Мело на с. 87.

Сборник состоит из 18 статей (глав), проблематика части которых сконцентрирована на латинско-романской преемственности, в то время как остальные посвящены истории разбираемых явлений в разные периоды истории латинского языка. В некоторых парах

¹ На титульный лист вынесено также имя В. Найт, составившей для издания аппарат ссылок на источники.

соседних глав рассматриваются (под несколько разным углом зрения и/или на разном материале) смежные или даже пересекающиеся темы; из них, судя по взаимным ссылкам, до публикации знакомились с текстами друг друга только авторы двух работ о коррелятивах. Авторы большинства статей — филологи-классики, хотя интересы некоторых из них шире и затрагивают романистику и общее языкознание (Н. Винсент), индоевропеистику (Дж. Клексон, Б. Бауэр) или общий синтаксис (Л. Данкерт). Латинский язык относится к наиболее исследованным языкам мира, и практически все затронутые авторами сюжеты уже неоднократно разбирались в литературе; значительная часть глав посвящена анализу предшествующих работ и часто полемике с ними.

Вступительная глава Н. Винсента посвящена общим вопросам преемственности и изменениям при переходе от латинского языка к романским. Говоря о хронологических границах периодов, он отмечает многочисленные случаи переплетения в имеющихся текстах латинских и романских черт; условной правой границей периода поздней латыни в сборнике принята грань VI и VII вв. Он также предлагает избегать традиционного ярлыка «народная латынь», предпочитая говорить о явлениях, традиционно приписываемых «классическим» и «народным» текстам, как о сосуществующих элементах единого языка. Кратко рассматривается также проблема континуитета явлений, «скрытых» в классический период (как его с этой перспективы несколько презрительно назвала влиятельная исследовательница «глубинных» феноменов И. Манхеймер, «*Zwischenzeit*») между ранней и поздней латынью, обсуждаемая в историческом языкознании начиная с 1900-х гг., а также отделение таких явлений от поздних вторичных латинизмов и псевдолатинизмов в романских языках. Кроме того, важен поднимаемый в ряде статей вопрос о влиянии на позднюю латынь христианской эпохи стиля переводов Библии и связанных с ними грецизмов.

Дж. Пеццини (университет Сент-Эндрюса) в статье «Комический лексикон» проводит фронтальное обследование лексики двух великих раннелатинских комедиографов Плавта и Теренция. Взяв полный корпус встретившихся у них лексем (более 7 тысяч слов), он показывает, что большинство из тех слов, которые отсутствуют в классический период, но вновь засвидетельствованы позже, допускают объяснение такого сценария через другие факторы. Не исключено лексическое влияние комедиографов на позднелатинских (в частности, Августина, охотно прибегавшего к мотивам классической комедии в новом, христианском контексте) и романских авторов. Возможно повторное словообразование из прозрачного морфологического материала, «гесойнаге», ср. знаменитый пример русского просторечного *наезд*, неслучайно, но без преемственности повторяющего древнерусское обозначение агрессии; к возможным латинским примерам относится, например, *coqui-in-us* ‘относящийся к повару’ > франц. *cuisine*, итал. *cucina*, исп. *cocina* ‘кухня’. Наконец, возможно повторное заимствование из греческого (например, *techna*, *sandalium*). Лексическое ядро, «подземным» путем перешедшее в позднюю латынь и романские языки, вероятно, существует (например, среди неплохих кандидатов *mantellum* ‘плащ’ или *labium* ‘губа’), однако оно меньше, чем иногда предполагалось ранее; таких слов, не объясняемых другими факторами, всего 37. Причем среди них есть слова, не имеющие очевидных синонимов в классической латыни, например, популярная у античных комедиографов птица *urupa* ‘удод’ или *latrina* ‘место для мытья’ > отхожее место; подобная лексика не представлена у римских классиков эпохи Цицерона, вероятно, просто из-за жанра и тематики их сочинений, подобно тому как большое число бытовых слов из берестяных грамот не встречается в летописях или житиях.

Т. Мари (Оксфордский университет) говорит об эволюции притяжательных местоимений третьего лица от ранней латыни до романского периода. В латыни здесь, как и в русском, проводится древнее индоевропейское различие между рефлексивным и нерефлексивным контекстом (ср. *suus* и *свой*, *eius* и *его*), в то время как в современных романских языках произошла экспансия *suus* во всех контекстах с посессором 3-го лица; во множественном числе, в отличие от латыни, ряд языков ввел новое притяжательное типа франц. *leur*, итал. *loro* < *illorum*. Автор использует выборку текстов от тех же Плавта и Теренция (произведения которых взяты полностью) до Григория Турского. Склонность к смешению

eius и *suus* проявляют разные авторы разных эпох (из ранних — Плавт, из «серебряного века» — Сенека, из поздних — Тертуллиан), однако у поздних авторов ослабевают семантические ограничения на *suus*, например, на кореферентность с посессором в косвенном падеже или с подлежащими иных клауз. Использование посессивного *illorum* в целом датируется уже романским периодом. Оба процесса сопровождаются общей деградацией форм местоимения *is*, не только притяжательных, и экспансией иных адъективов в притяжательной функции, например, *proprius*.

В статье Дж. Клексона (Кембриджский университет) рассматривается язык помпейского граффито, сопровождающего изображенную на стене одного из домов сцену в таверне, это своего рода комикс: помпеяне пьют, играют в кости, ссорятся из-за вина и выигрыша и непристойно бранятся. Исследователь приходит к выводу, что текст их реплик не носит явно «скрытого» в классическую эпоху характера, за исключением разве что ряда фонетических «простонародных» черт и терминологии игры в кости, плохо сохранившейся в других источниках.

Дж. Адамс и В. де Мело (Оксфордский университет) разбирают конкуренцию между предложной конструкцией с *ad* и беспредложным дативом. Модель с *ad*, как и прочие предложные формы, победившая в романских языках, отмечена у Плавта, однако для ответа на вопрос о том, является ли раннелатинская вариативность предвестником романской ситуации, необходим предлагаемый авторами более детальный анализ контекстов и анализ возмущающих факторов. В частности, принципиально важным является различие между местоимениями и существительными; первые еще у Плавта тяготеют к дативу, что действительно превосходит картину в романских языках. Далее, статистически по-разному ведут себя глаголы типа 'бросить' (наименьший процент дативов и наиболее раннее исчезновение), глаголы типа 'нести' и 'посылать' (средние значения) и, наконец, прототипические глаголы с ролью адресата типа 'говорить' и 'давать', которые удерживают падеж дольше всего (и только эти контексты и рассматриваются у поздних авторов). В поздней латыни сочетаемость глаголов говорения с предлогом *ad* резко растет под влиянием иеронимовского перевода Библии; что касается глаголов типа 'давать', то такие конструкции в позднее время развились независимо по сравнению с ранним периодом, когда *dare ad* означало опосредованный акт передачи, «раздавать большим группам». В целом «глубинной» преемственности позднего языка с ранним здесь не усматривается.

Л. Данкарт (Гентский университет) рассматривает латинские аналитические конструкции с бытийным глаголом, а именно замену серии инфекта во вспомогательном глаголе на серию перфекта: *occisus est* 'был убит', с событийным, а не результативным значением > *occisus fuit*; ср.: *Москва, спалённая пожаром, французам отдана* 'была отдана'. Показано, что эта замена протекала быстрее всего и завершилась прежде всего во втором будущем (к VI веку), в простом прошедшем времени (Perfectum) процесс шел наиболее медленно, плюсквамперфект занимает промежуточное положение (график на с. 148). Диахронический переход прослежен на корпусе, проанализирован статистически и визуализирован; он носит достаточно монотонный характер и, по-видимому, в классический период эта вариативность не ощущалась как «нелитературная». С точки зрения автора, современный романский пассив настоящего времени типа *sono amato* не восходит к латинскому пассиву Perfectum типа *amatus sum*. Статья отличается наиболее тщательным во всем сборнике применением статистики, в том числе анализе распределения с точки зрения значимости тех или иных факторов.

Статья Ф. Бёртона (Бирмингемский университет) продолжает эту же тематику, связанную с аналитическими пассивами и отложительными глаголами. Бёртон сосредотачивается на критике традиционной точки зрения, согласно которой появление вспомогательных глаголов в серии перфекта было связано с двусмысленностью пассивов со вспомогательными глаголами в инфекте. Однако, как представляется, автор не предлагает своей «положительной программы» и последовательно избегает какого-либо определенного суждения о хронологии процесса, семантике форм, связи с романским состоянием и т. п.

Г. Хаверлинг (Упсальский университет) разбирает другую аналитическую конструкцию с пассивным причастием — сочетание с глаголом *habere*, давшие в современных романских языках одну из двух, наряду с предыдущей «пассивной», моделей перфекта, впоследствии в части языков (например, французском или итальянском) семантически сдвинувшегося в сторону прошедшего. В других языках, например, испанском, где такого сдвига не произошло, вспомогательный глагол обобщился в пользу глагола ‘иметь’. В ранних текстах такие сочетания связаны с тем или иным сохранением посессивного значения *habere*, «материальным или интеллектуальным приобретением», например, плавтовское *Satis iam dictum habeo* значит не ‘Я уже сказал достаточно’, а ‘Мне уже достаточно (тобой) сказанного’. Лишь небольшая часть подобных конструкций допускает результативную интерпретацию, впоследствии легшую в основу романского перфекта. Впоследствии число подобных моделей, также в основном с оттенком «приобретения», нарастает в текстах, хотя о полной грамматикализации перфекта прежде конца VI в. говорить рано. Автор сопоставляет хронологию развития латинской модели с аналогичной греческой и, на наш взгляд, правомерно сомневается в обоснованности гипотезы Б. Дринки (наиболее полно высказанной в книге [Drinka 2017], вышедшей уже после обсуждаемого сборника; в [Adams 2013] отмечено, что *habere*-перифраза относится к высокому регистру), согласно которой латинская конструкция представляет собой кальку с греческой, а все прочие примеры посессивного перфекта в Европе, в свою очередь, восходят к латыни; Хаверлинг допускает как обратное влияние латинского на греческий, так и независимое типологическое развитие под влиянием внутренних факторов.

С. Панайотакис (Критский университет) также разбирает глагол *habere*, но в его безличной форме третьего лица (*habet*), используемой для обозначения существования и истекшего периода времени (ср. франц. *il y a*, исп. *hay* или русск. *вот уже...*). По-видимому, эта темпоральная конструкция возникает только в поздний период под дополнительным, но не обязательно единственным, влиянием греческого языка.

В статье А. Шау (Chahoud) (Дублинский университет) рассматриваются характерные для латинского текста формулы неопределенности типа *Quid ago / agam?* ‘что мне делать?’, где возможен как индикатив, так и конъюнктив. Этот выбор наклонения и есть исследуемый в диахронии параметр. В статье рассматривается множество семантических подтипов таких вопросов (обязанность, предсказание, переспрос после совета, упрек и т. д.), хотя автор признает и неоднозначность многих контекстов. В классической латыни процент индикатива в таких вопросах снижен по сравнению с ранним и поздним периодами; скорее всего, индикативные вопросы представляют собой «глубинную» черту живой речи, скрытую литературной нормой, при том что вытеснение глагола *agere* глаголом *facere* идет монотонно.

Дж. Гальди (Гентский университет) изучает инхоативную конструкцию *coeepi* + инфинитив (буквально ‘я взял делать что-л.’). Приставочный глагол *incipere* ‘начинать’ выступает в той же конструкции и полностью грамматикализуется в христианской латыни, не без греческого влияния *μελλω* ‘собираться, be about to’, как показатель будущего времени. Это имеет многочисленные типологические параллели, из которых Гальди отмечает только одну: старославянские вспомогательные глаголы на *-чати*, которые в беспрефиксном виде под пером автора почему-то выглядят, вызывая скорее ассоциации с письменностями и языками древнего Востока, *-čbnq* (причем два раза; славист Х. Бирнбаум, по работе которого эти формы цитируются, имел в виду форму 1 л. с редуцированным и носовым гласным и записывает её, естественно, правильно — *-čьno*). (О грамматикализации инхоативов и смежных конструкций в русском см. [Пенькова 2019].) Процесс грамматикализации инхоативных глаголов не является «скрытым», он отмечен во всех регистрах в разные периоды, хотя и демонстрирует определенное тяготение к определенным жанрам.

Соредакторы сборника Дж. Адамс и Н. Винсент в совместной статье исследуют сочетание инфинитива с глаголами движения, вытесняющее исконное индоевропейское сочетание с супином. Выяснено, что преемственности между «незаконными» сочетаниями в ранней латыни и поздних текстах нет; судя по всему, сочетание инфинитива с глаголами движения в классический период ушло из языка и отсутствует во всех контекстах

и во всех регистрах этой эпохи, включая масадские папирусы и виндоландские таблички. Авторы отмечают, что существующих источников бытовой письменности немного и новые находки теоретически могут изменить картину; добавим для сравнения, что в новгородских берестяных грамотах контекстов, где требовался бы супин, вообще еще не нашлось, и процесс его утраты документируется в основном летописями. Восстановление соответствующих форм в поздний период отражает влияние греческого.

В статье Н. Винсента «Каузативы в латинском и романских языках» прослеживаются возможные латинские аналоги романской каузативной конструкции *facere* + инфинитив типа фр. *J'ai fait venir un serrurier de Rouen* 'Я вызвал из Руана слесаря'. Схожая конструкция отмечена в латыни начиная с раннего периода, редко и в основном в стихах. Показано, что латинская модель, в отличие от романской, была биклаузальной и не вводила подлежащего каузируемой переходной ситуации при помощи предлога, а представляла собой образец *acusativus cum infinitivo*. Вымирание последнего типа моделей и привело к переинтерпретации сочетания с *facere*. И здесь не усматривается какого бы то ни было «скрытого» развития.

Б. Бауэр (Техасский университет и Институт Макса Планка, Неймеген) анализирует развитие компаратива в латинских текстах. В то время как в латинском сосуществовали две конструкции со значением стандарта сравнения — аблатив сравнения и частица *quam* — в романских языках осталась только аналитическая форма с показателями из *quia* или *de* (в последнем можно видеть наследника аблатива). На аналитические формы (с наследниками *plus*, *magis* или *minus*) заменился и сам синтетический компаратив, хотя это развитие было независимым. Выясняется, что сочетания синтетического компаратива со стандартом сравнения, как бы тот ни был выражен, уже в латыни достаточно редки и встречаются в основном в высокой прозе и поэзии; чаще стандарт сравнения сочетается с аналитическими компаративами, которые, однако, сами представлены в текстах гораздо реже синтетических. О «скрытом» развитии тут также не приходится говорить; достаточно сказать, что в поздних текстах низкого регистра аналитические компаративы отсутствуют или редки.

Статья Р. Молтби (Лидский университет) подхватывает тему Бауэра, однако ее автор не изучает выражение стандартов сравнения и, помимо сравнительной степени, разбирает также и превосходную. В его статье, в отличие от бауэровской, да и от большинства остальных, затрагиваются ареальные различия между латинскими диалектами и герм. романскими языками; диахронически подтверждается гипотеза, согласно которой архаизмы (компаративное *magis*, ср. исп. *más*) сохраняются на периферии ареала, а инновации (компаративное *plus*, ср. итал. *più*) появляются в центре Романии. Молтби также обращает внимание на то, что синтетические компаративы и суперлативы соответственно на *-ius* и *-issimus* в дактилическом стихе затруднены, и поэты вынуждены *metri causa* прибегать к альтернативам. Отмечается и семантическое размывание синтетических компаративов в латыни всех периодов начиная с Плавта, что ведет к плеонастическим сочетаниям, аналогичным русск. *более лучше*, предсказуемо осуждаемым грамматистами. Отсутствие аналитических компаративов в сниженной прямой речи у Петрония объясняется тем, что они не считались маркированно разговорными.

Х. Халла-ахо (Хельсинкский университет) разбирает синтаксические конструкции с выносом влево, которые также с начала XX в. считаются образцом характерных для разговорной речи явлений, проходящих «глубинное» развитие и выходящих на поверхность уже в поздний и романский период. Вместе с тем их появление в латинских текстах невозможно объяснить только копированием разговорной речи с ее «фальстартами» и переформулированием синтаксической структуры по ходу порождения предложения. Одна из этих конструкций — *nominativus pendens*, с вынесенным в начало относительным предложением и кореферентным ему местоимением (в генеративной традиции «следом») в его исходной синтаксической позиции. Это «архаический тип» относительного предложения, описанный в [Зализняк, Падучева 1975], с примерами в том числе из ведийского санскрита и Цицерона, и присутствовавший в древнерусском языке: структура типа *осёл, который мне достался, он сбежал*. Другая — аналогичная модель, где в относительном предложении

выступает не номинатив, а иной падеж (*attractio inversa*): *осёл, которого ты мне дал, он сбежал*. Имеется также более простая конструкция с простым выносом топика (*твой осёл, он сбежал; твоего осла, его я верну*). Синтаксис с выносом номинатива характерен для латыни всех периодов, в том числе для отдельных жанров, требующих топикализации и подчеркивания определенных сюжетов (ораторская речь, медицинские рекомендации, путеводители и описания святынь), вынесение косвенных падежей, почти всегда аккумулятива, имеет более маргинальный характер и действительно свойственно разговорной речи.

Ф. Проберт (Оксфордский университет) и Э. Дики (Редингский университет) в работе под названием «Шесть замечаний о латинских коррелятивах» также обсуждают конструкции с выносом влево, прежде всего с точки зрения их диахронического распределения. Название их главы отсылает к работе «Пять замечаний о коррелятивах» Г. Чинкве [Cinque 2009]. Первое замечание, в соответствии с теорией Чинкве, предсказывает, что различные конструкции с вынесением влево должны демонстрировать общие свойства независимо от совпадения падежей в главной и зависимой части. Второе замечание посвящено хронологии: обсуждаемая модель относительного предложения более частотна в ранних трактатах по сельскому хозяйству (у Катона и Варрона), чем в поздних (Колумеллы и Палладия). В третьем замечании авторы приходят к выводу, что обсуждаемая модель в поздних текстах не маркирована стилистически ни как разговорная, ни как высокая. В четвертом замечании анализируются конкуренты этой конструкции в сельскохозяйственных трактатах: показано, что сокращение частотности вынесения влево не связано с изменением порядка составляющих в языке. В пятом замечании показано, что широкое использование такой модели относительного предложения обычно сопровождается и более активным употреблением иных конструкций с выносом влево, что подтверждает теорию Чинкве (и гипотезу первого замечания). Наконец, шестое замечание связано с отбором памятников, по которым мы судим о распространенности тех или иных явлений. Например, в «Антологии латинской прозы» Рассела представлено в относительных цифрах гораздо больше коррелятивов в контексте «сентенциозных обобщений», чем в проанализированных авторами корпусах, поскольку в эту антологию включено непропорционально много прозы Цицерона (а не, скажем, сельскохозяйственных трактатов). Поэтому следует учесть, что корпус дошедших до нас текстов на мертвых языках — не исчерпывающая совокупность текстов, а тоже своего рода антология, в которой делался определенный отбор. Несколько мозаичная композиция главы иногда мешает следить за аргументацией авторов, которая, однако, содержит ценные дополнения к результатам статьи Халла-ахо.

Заключение к сборнику написано Адамсом, и в этом тексте различается восемь диахронических моделей ответа на поставленный в названии вопрос о преемственности между раннелатинским периодом и позднелатинским / романским:

- 1) появление новых употреблений в поздней латыни;
- 2) возрождение старых элементов в более поздней литературе;
- 3) регулярное снижение частотности, хотя с возможным поздним подъемом в других условиях;
- 4) наличие некоторых явлений и у Плавта, и в романских языках, но «скрытого» развития нет, частотность нарастает ожидаемым образом;
- 5) просторечный статус на протяжении нескольких веков и изменение регистра в поздний период;
- 6) ограниченное употребление на протяжении веков, а затем расширение употребительности;
- 7) явления возникают благодаря влиянию греческого через перевод Библии (грамматикализация инхоативов, активизация предлога *ad*, риторические вопросы типа «что мне делать?»);
- 8) романские явления, однозначных параллелей которым в сохранившемся латинском корпусе найти не удастся.

Как видим, интриговавшей исследователей «скрытой преемственности» в этом списке нет. Адамс утверждает, повторяя выводы нескольких работ из сборника, что число таких примеров можно умножить, и по сравнению с ними возможные примеры «скрытой преемственности» — «капля в море», и большинство кандидатов на такой сценарий неубедительно. В методологическом постскриптуме Адамс подчеркивает необходимость изучения эволюции конструкций в контексте конкурирующих языковых единиц, привлечения современных методов анализа данных и учета неполной репрезентативности позднелатинского корпуса из-за сильного влияния перевода Библии, вплоть до многочисленных цитат. Впрочем, заметим, цитатность, вплоть до ценонов, а также влияние метрических формул характерны и для дохристианской латинской литературы, пусть и не в таком масштабе.

Приверженность большинства исследователей традициям классической филологии — с одной стороны, преимущество (именно в традиционной филологии заложены мощные традиции корпусного, в том числе статистического, исследования всей совокупности сохранившихся текстов), с другой стороны, в ряде случаев этот подход можно дополнить другими. Так, корпусные статистические меры, выходящие за пределы простых процентов, мы находим только у Л. Данкарта, хотя о «корреляциях» на глаз говорят многие авторы; привлечение типологического материала есть только у Винсента, Хаверлинга и авторов двух статей о коррелятивах.

В целом исследования, включенные в сборник, выполнены на очень высоком уровне и объединены общей исследовательской программой, которая не нивелирует индивидуальность авторов. В целом ряде работ убедительно проведена граница между независимым развитием в ранний и поздний период и континуитетом, не сразу замечаемым из-за пуристических тенденций в классическом языке, развенчано несколько мифов, связанных с такой «глубинной» преемственностью. Следуя за работами Адамса, авторы предлагают в том числе и гипотезы, связанные с социолингвистическими параметрами текстов. Своеобразная языковая ситуация в дошедшем до нас корпусе латинских памятников представляет собой любопытный полигон для испытания возможностей исторической лингвистики, и нет сомнений, что в этой области исследователей ждут новые открытия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Зализняк, Падучева 1975 — Зализняк А. А., Падучева Е. В. К типологии относительного предложения. *Семиотика и информатика*, 1975, 6: 51–101. [Zaliznyak A. A., Paducheva E. V. Towards a typology of relative clause. *Semiotika i informatika*, 1975, 6: 51–101.]
- Пенькова 2019 — Пенькова Я. А. *Иму, учьну, стану, буду*: Корпусное исследование перифраз будущего времени в среднерусской письменности. *Slavistična revija*, 2019, 67(4): 569–586. [Pen'kova Ya. A. *Imu, učьnu, stanu, budu*: A corpus study of periphrases of Future in Middle Russian literacy. *Slavistična revija*, 2019, 67(4): 569–586.]
- Сичинава 2015 — Сичинава Д. В. [Рец. на:] Adams J. N. *Social variation and the Latin language*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2013. *Антропологический форум*, 2015, 24: 229–236. [Review of:] Adams J. N. *Social variation and the Latin language*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2013. *Антропологический форум*, 2015, 24: 229–236.]
- Adams 2013 — Adams J. N. *Social variation and the Latin language*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2013.
- Cinque 2009 — Cinque G. Five notes on correlatives. *Proc. of GLOW in ASIA VII 2009*. Mohanty R., Menon M. (eds.). Hyderabad: EFL, 2009, 1–20.
- Drinka 2017 — Drinka B. *Language contact in Europe. The periphrastic perfect through history*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2017.